

ФЕНОМЕН СИТУАЦИИ В ПРОСТРАНСТВАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

.....

А. Н. Кимберг, Е. В. Улько¹

Ситуация как феномен человеческого мира разворачивается в его пространствах — особым образом организованных реальностях или полях — и имеет смысл применительно к ним. Обосновывается необходимость для исследователя, обращающегося к термину «ситуация», обозначать пространство бытия человека, в поле которого находятся проблема и задачи, решаемые им в ходе исследования. Обсуждается методология различения пространств и показывается ее возможности в исследовании ситуации.

Ключевые слова: психология субъекта, субъективность, психология ситуаций.

Situation as a phenomenon of the human world exists in a certain space — a specific organized fields of reality. Researcher, who use the term «situation», should clearly indicate this space of human existence. Methodology of distinguishing between the spaces is discussed. Potential of this approach in the study of the situation is shown.

Key words: psychology of subject, subjectivity, psychology of situation.

У погонщика верблюда свои планы, а у верблюда свои...

Арабская пословица

Идея о единстве субъекта и его мира как важнейшем методологическом принципе получила широкое распространение в психологии. Субъект настолько тесно связан с миром, что само мышление о нем происходит как мышление о системе «человек — мир».

Исследователю, желающему воспользоваться этой интуитивно мощной объяснительной схемой, придется уделить серьезное внимание теоретическим

¹ Кимберг Александр Николаевич, кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: akimberg@gmail.com

Улько Елена Васильевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: elulko@gmail.com

средствам описания мира человека и человека в мире. В психологии используется несколько конструктов, связывающих в тех или иных аспектах человека и его текущее окружение. В качестве таковых в первую очередь следует назвать ситуацию.

Потребность в описании человека, взаимодействующего с миром, была осознана давно. Еще Курт Левин писал, что в психологии нет понятия, объединяющего человека и обстоятельства его активности. Для решения этой задачи К. Левин ввел термин «психологическое жизненное пространство», обозначающий совокупность всех внешних и внутренних факторов, которые детерминируют поведение человека в конкретный момент [7]. Понимание термина между тем развивалось, приобретало новые смыслы и наконец пришло к относительно согласованному определению ситуационного подхода. Его сущность «состоит в признании того, что человек не просто реагирует на ту или иную ситуацию, но и определяет ее, одновременно определяя себя в этой ситуации, фактически создавая, конструируя тот социальный мир, в котором живет, и тем самым выступает как подлинный субъект «жизнетворчества», творец своей жизни» [5, с. 288].

Обзорные работы, посвященные теоретическому конструкту ситуации, читатель может найти на русском языке в работах Л.Ф. Бурлачука, Е.Ю. Коржовой [1], Л.Ф. Бурлачука, Н.Б. Михайловой [2], Н.В. Гришиной [3; 4; 5], Е.В. Рягузовой [10], Е.В. Улько [12; 13]. Книга Ли Росса и Ричарда Нисбетта, вышедшая на русском языке в 1999 г., обогатила читателя множеством фактов о связях (вернее, об отсутствии связей) ситуационных, поведенческих и личностных характеристик [9]. Создано много классификаций ситуации — интересных, но, как замечает Н.В. Гришина, не слишком продвигающих нас к пониманию феномена [3].

Не излагая разнообразные трактовки того, как следует понимать ситуацию (отошлем читателя к упомянутым обзорам и к нашей предыдущей публикации [6]), обратимся к нерешенным проблемам в функционировании этого конструкта. Представляется, что противоречивость и несогласованность теоретических определений феномена ситуации обусловлена его онтологически разноуровневой природой.

Основная путаница возникает при попытках как-то свести в одно целое объективный и субъективный характер ситуации. Л.Ф. Бурлачук и Н.Б. Михайлова полагают, что ситуация имеет объективное содержание: под ситуацией они понимают «совокупность элементов среды... фрагмент среды на определенном этапе жизнедеятельности субъекта» [2]. При этом авторы указывают, что субъект, который включен в ситуацию в качестве участника либо наблюдателя, активно организует систему этих объективных элементов.

Многие авторы акцентируют субъективные составляющие ситуации, считая ситуацию преимущественно субъективным феноменом. Участник ситуации сам вычерпывает значимые для нее элементы из потока бытия: человек «конструирует из фрагментов объективного мира своё уникальное жизненное пространство» (читай — ситуацию) [5, с. 281]. Представления субъекта о ситуации (субъективная интерпретация) организуют его поведение в ней: «Ситуация должна описываться исходя из субъективных представлений ее участников» [5, с. 285].

Попытки решить проблему, декларируя объективно-субъективный характер ситуации, малорезультативны: при более детальном развитии модели авторы так или иначе позиционируют одну из составляющих как ведущую.

Следующий источник трудностей — это так называемое определение ситуации. Речь идет о процессе понимания субъектом происходящего и создания им приемлемой ментальной схемы развивающегося взаимодействия с другими субъектами в данных обстоятельствах. Для того чтобы действовать, человек должен создать представление о ситуации, определить ее. Здесь можно было бы использовать и термин «интерпретация», и тогда мы говорили бы о том, что участнику ситуации необходима собственная ее интерпретация² [12; 13]. Но если в ситуации участвует несколько субъектов, то как соотносятся их различающиеся интерпретации?

Не менее интересен и вопрос о границах ситуации. Когда она начинается и когда заканчивается и каков круг ее участников? Интуитивная ясность и здравый смысл хороши здесь только в простейших случаях. Опыт изучения конфликтов показывает, что практически в любой из них легко вовлекаются новые участники, что может быть только в том случае, если они вдруг начинают воспринимать себя участниками данной ситуации. Кто и каким образом может расширить для них границы ситуации конфликта?

Мы полагаем, что дать приемлемые ответы на эти и другие вопросы относительно взаимодействия людей можно, только отчетливо выстроив методологию рассуждений, которая будет адекватна проблемной области. В основании такой методологии лежат определенные утверждения о мире, в котором расположены интересующие нас феномены. Сформулируем несколько важных для нас тезисов.

Тезис первый. Мир вокруг нас не есть целостное монопространство, феномены которого описываются законами, едиными для каждой его локальной точки. Кроме физического мира нам дан и мир субъективных переживаний, открытый каждому из нас. Этот мир имеет свой особый статус, несводимый к второстепенной и несамостоятельной роли отражения «настоящего» мира.

² На наш взгляд, представление о том, что субъект интерпретирует ситуацию (т.е. создает субъективное представление о ней), по умолчанию полагает существование некоей настоящей, или объективной, ситуации.

Карл Поппер выделил кроме физического и субъективного (психологического) миров также мир культурных схем, образцов и форм, в котором главное место занимают объективированные в языке знания. «Третий мир» К. Поппера существует помимо физического мира, а также любого конкретного индивида и его субъективности [8]. Качественно разные формы движения материи, как прокомментировал бы это марксист 1960-х гг., **не могут быть редуцированы** одна к другой и требуют собственной методологии исследования.

Более развернутый вариант структуры методологического поля системы «человек — мир» предложен Кеном Уилбером. Развивая в некотором смысле идеи Поппера, он на основе анализа объемного теоретического и фактологического материала пришел к выводу о том, что единый и непрерывный поток жизни пронизывает несколько областей или (более впечатляюще) «царств» или «миров» реальности, в той или иной мере отображаясь (реализуясь) на каждом из них [11].

Речь идет о внутреннем мире личности, тех её переживаниях, чувствах и стремлениях, в реальности которых никто из нас (применительно к себе) не сомневается. Он доступен нам из Я-позиции, из которой только мы и узнаем что-то о своей субъективности.

Это индивидуальное поведение человека, прежде всего в его социальной среде, — экспрессия и опредмечивание себя в пространстве жизни, а также вся психофизиология, которую можно при этом измерить.

Это социальность, которую К. Уилбер обозначает довольно общими фразами, относя к ней и материальную инфраструктуру общества, и социальные институты. Отечественной традиции деятельностного подхода эта область давно знакома и раскрывается в ней гораздо глубже через категорию социальной деятельности, задающей человеку основные характеристики его активности. Последняя развивается по законам социальных систем и институционализируется в виде различных социальных структур.

Это, наконец, культура, выделяющая, накапливающая и транслирующая эффективные схемы взаимодействия и понимания мира. Стандарты, схемы, понятия, ценности, сценарии, знания — важнейшие составляющие содержания поля культуры.

Об этих областях, или «мирах», можно утверждать следующее: они относительно автономны; ни один из них не может быть сведен к другому или исчерпывающе объяснен через него; они взаимодействуют, но опосредованно: механизмы, функционирующие в них, не соприкасаются непосредственно, но результаты деятельности механизмов одного мира могут становиться условиями, факторами или средствами деятельности субъекта

в другом мире. Любой феномен человеческого бытия происходит в каждом из них и может быть исследован в адекватной данному миру методологии³.

Каков статус этих областей действительности? Они части онтологии, обладающие своей эпистемологией. То, что они созданы человечеством и имеют смысл только для человека, не выводит их из области онтологии (частью которой является человечество) и не делает их менее автономными: «...третий мир, который по своему происхождению является нашим продуктом, *автономен* в том, что можно назвать его онтологическим статусом» [8, с. 161].

Тезис второй. Для методологически корректной работы необходимо выделять (и заявлять) позицию наблюдателя (или, если угодно, теоретизирующего субъекта). Каждому миру соответствует своя позиция наблюдателя (и, следовательно, свои проблемы, методы, решаемые задачи и т. п.).

Для мира субъективности позиция наблюдателя стремится совпасть с позицией исследуемого субъекта. Подтверждением заявления респондента о некоем субъективном опыте становится обнаружение сходного опыта в тезаурусе самого исследователя или ссылок на такой же опыт других личных источников. Так мы можем создавать понимание, допустим, любви, во многом основанное на сопереживании (сходстве опыта).

Для мира индивидуального поведения наблюдатель позиционирует себя отдельно и незаинтересованно в отношении индивида. Это хорошо известная объективистская (или «научная») позиция. Исходя из нее мы изучаем, например, репродуктивное поведение.

В мире социальной деятельности наблюдатель занимает позицию над пространством жизни индивида, наблюдая его встречи с системными необходимостями, воплощенными в виде социальных институтов и социальных субъектов, технологии и норм взаимодействия. Это тоже объективистская позиция, хотя место индивидуальной деятельности здесь занимают социальные системы деятельности (процессы). Из этой позиции мы изучаем, например, формы брака.

В мире культуры наблюдатель стоит перед множеством моделей и способов осознания смыслов человеческого бытия, создаваемых и воспроизводящихся в сознании общества и доступных ему в конкретно-исторических формах их фиксации и хранения. Он позиционирует себя отстраненно от респондента, но вместе с тем внимателен к его субъективности, идентифицируя в ней созданные культурой модели и наблюдая моменты их выбора, усвоения, а иногда

³ Следует сказать, что названные пространства человеческого бытия не совпадают с традиционно понимаемыми предметами социальных, поведенческих и психологических наук, хотя каждая из них позиционирует себя преимущественно в одном или нескольких «мирах». Так, психология работает с данными типа L (поведение, оцениваемое экспертами), Q (субъективные отчеты) и T (экспериментально фиксированное поведение), но эти данные могут быть получены в каждом из обсуждаемых пространств.

и создания. Это позиция этнометодолога, согласно которой для понимания туземца наблюдателю надо погрузиться в практику его культуры (способа жизни), т. е. самому стать туземцем (не забыв при этом родной язык для записи наблюдении).

Испытывают ли эти миры взаимные влияния? Несомненно. Но при этом они являются достаточно автономными и требуют собственной логики и позиции исследователя, описывающего их. Может ли исследователь, работая с жизненным событием, обращаться ко всем этим мирам? Вполне. Но он должен выполнять обязательное методологическое требование — отчетливо осознавать и заявлять свою текущую позицию и ясно маркировать переходы от одного способа анализа к другому.

Тезис третий. Одно и то же (онтологически) событие проецируется (отображается) в разных мирах, имея в каждом из них статус полноценной реальности.

При характеристике взаимных отношении этих областей реальности центральным является понимание того, как онтологически одно и то же событие происходит в каждой из них. Часто для описания этого используются термины «проекция» и «отображение», поскольку доступнее всего эти отношения раскрывались и объяснялись на таких моделях, как трехмерный объект, отображаемый геометрически на двумерные плоскости. Цилиндр, например, предстает на одной из них как прямоугольник, на другой — как круг. Но означает ли проекция то, что она обладает меньшей реальностью или представляет собой какое-то вторичное или неполноценное явление? Вовсе нет. Прямоугольник и круг в своих плоскостях (реальностях) — столь же реальные сущности, как и все остальные действующие там «лица». Проекция или отображение существуют объективно в соответствующем им мире. Так, стоимость существует объективно⁴ в мире, где есть обмен товарами, и не существует в мире натурального хозяйства.

Человеческие миры устроены так, что в них мы имеем дело преимущественно с аспектами бытия, пристрастно выделенными применительно к задачам и ценностям данного мира. Но равноправны ли эти проекции или отображения бытия на различные миры? Предполагаемый ответ — нет, но не потому, что одна из проекций «более настоящая» чем другие. Для индивидуального субъекта его актуальный интерес сосредоточен на устройстве одного из пространств, остальные же проявляются для него лишь как условия, способствующие или препятствующие неким центральным для наблюдателя процессам. Для коллективного субъекта (человечества, цивилизации или социальной группы) происходит то же самое: пространство социального действия организовано вокруг некоторого интереса и организуется им. Интерес этот

⁴ В нашем понимании — независимо от воспринимающего (или невоспринимающего) её индивидуального субъекта.

П. Бурдьё обозначил необычным термином *illusio*, определив его как «факт пребывания в захваченности игрой... и вера в то, что игра стоит усилий» [цит. по: 15, р. 257]. Трактовка системоорганизующего фактора у П. Бурдьё скорее субъектна, чем субъективна. Она принадлежит коллективному субъекту, интересы которого выделяют ведущее пространство социальной группы в данный период ее истории. Так, пространство экономических отношений является сегодня для нашего общества ведущим по отношению к другим человеческим мирам, а создаваемый в нем финансовый капитал конвертируется во все остальные виды капиталов. Но и то, и другое преходяще: и интересы, и ценности человечества могут меняться⁵, да и субдоминантные пространства человеческого мира никуда не исчезают, пока находится какое-то количество людей, готовых их разделять.

Итак, мы утверждаем, что целесообразно рассматривать целостный жизненный феномен — ситуацию — применительно к четырем пространствам человеческого бытия, используя соответствующие им методологии⁶. Можно заметить, что в каждом из них складываются некоторые «удобные» темы исследований.

В пространстве субъективности мы работаем с представлениями участников о ситуации и констатируем большие или меньшие расхождения этих представлений. Мы устанавливаем также то, как жизненные ценности и жизненные проекты субъекта порождают для него индивидуальный смысл ситуации. Здесь также мы имеем дело с представлениями субъекта о других участниках ситуации и их субъективных мирах, а также с его рефлексией по поводу того, что о нем думают другие.

В пространстве поведения мы выявляем индивидуальные стратегии решения проблем, выбранные участниками, методы, которые они применяют для трансляции своих определений ситуации остальным участникам, практикуемые ими способы взаимодействия (кооперация — конкуренция по Дойчу; борьба — избегание — компромисс — сотрудничество по Томасу; схемы ролевого поведения из Берна или из Белбина или еще что-нибудь столь же практичное). Здесь мы также найдем поведенческие паттерны психологических защит, поведенческие способы поддержания или укрепления Я и прочие инструменты адаптивного или преобразовательного индивидуального поведения.

В пространстве социальной деятельности мы находим кодифицированные определения целого спектра ситуаций в интересующей нас области, нормы

⁵ В мире уже существуют значительные группы людей, отвергающие базовую ценность дискурса «золотого миллиарда» — рост экономики на основе стимулирования роста потребления.

⁶ Вполне возможно, что таких пространств можно выделить гораздо больше, что, кстати, и делает П. Бурдьё, вводя понятие «поля». Но для демонстрации различий в методологии работы с ними предложенное деление представляется пока достаточным.

и процедуры их разрешения, феномены ответственности, власти, прав и обязанностей, конфликтов и процедур их разрешения, а также особый вид субъектов — социальные институты, обеспечивающие и регулирующие взаимодействие людей как субъектов различного рода отношений. Здесь появляются правовые нормы как особые факторы или условия ситуации. Собственно говоря, здесь прописаны нормативные и транслируются неписанные пути для достижения многих возможных целей человека, а также представлены институты, организации и сообщества, которые их реализуют. Желание узнать нечто про психологию бессознательного или съесть сосиску для современного городского жителя реализуется в цепочке взаимодействий с рядом социальных институтов, происходящих по специализированным инвариантным схемам (процедурам). В развитом обществе путь субъекта из состояния А в состояние Б опосредован многочисленными социальными нормами, институтами, технологиями и процедурами, которые могут быть: а) выявлены; б) описаны; в) переданы субъекту в формате инструкции или наставлении; г) оптимизированы и т. д.

В пространстве культуры мы находим множество типовых схем ситуаций, по которым разворачиваются наиболее вероятные их исходы, наработанные в коммуникативном опыте данного сообщества способы экспрессии, этические ценности и модели самосознания, а также научные теории. Мы можем согласовать определение ситуации, идентифицировать собственную позицию и роли в ней, обратившись к той или иной культурной схеме, будь это карта города, библейская история, сюжет мультфильма, устная традиция, актуализированный ключевым сигналом ритуал или что-нибудь другое.

Каждый подход адекватно решает задачи исследования для своего пространства, но ни один из них неполон сам по себе. Любой психологический феномен может отображаться и присутствовать в нескольких пространствах человеческого бытия. Так, различия участников в определении ситуации могут быть обусловлены как различиями в видении мира, порожденными уникальным личным опытом (пространство субъективности), расхождениями культурных схем выделения ситуации (пространство культуры как поставщик когнитивных схем для пространства субъективности), так и различными позициями акторов в пространствах поведения и социальной деятельности.

Сущность ситуации (как и сущность человека) не относится к физическому миру — она локализована в другом пространстве бытия человека, причем чаще всего не в одном, а в нескольких. Эти пространства созданы человечеством, но для каждого конкретного человека они выступают как противостоящая ему данность, т. е. объективность. Люди способны называть и описывать ситуации взаимодействия. Это означает, что они поддаются типизации, а название их (создание понятий) позволяет человеку овладеть ими. Каждый выделенный нами мир (поле, пространство и т. п.) наполнен схемами возможных способов

и конфигураций взаимодействия, часть из которых обозначена понятиями. Данные схемы образуют, с одной стороны, инструмент для определения ситуации взаимодействия, а с другой — они начинают организовывать поведение (и тем самым ситуации) в соответствии с принятым каноном взаимодействия. Таким образом, можно сказать, что в конкретном пространстве бытия человека имеются схемы «должных» или нормативных ситуаций взаимодействия, т. е. ситуации даны в нем идеально (как идеи у Платона). Вместе с тем каждый участник взаимодействия формирует собственное представление о нем, т. е. решает задачу распознавания ситуации. Распознавание ситуации варьирует по развернутости процесса и его рефлексивности от моментального «понимания происходящего» (нерефлексивной интерпретации) до продолжительного осмысления ситуации и проверки гипотез о ней. Гипотезы о происходящем черпаются в тезаурусе схем ситуаций, циркулирующих в данной области мира.

Фонд культурных схем ситуаций дан всем участникам как общая реальность и применительно к специфическому пространству (миру или социальному полю) должен рассматриваться как объективная реальность (так же, как язык является объективной реальностью для говорящего на нем человека). Универсальный наблюдатель (теоретическая абстракция субъекта, обладающего полным знанием, доступным культуре на данный момент) распознает (классифицирует) ситуацию как определенную объективную конфигурацию отношений и взаимодействий даже в том случае, когда ни один из участников не воспринимает ее таким образом. В этом смысле ситуация объективна. Так, ситуация эксплуатации одного человека другим существует и доступна внешнему наблюдению и тогда, когда каждый из её участников думает, что это что-то другое. То, что куритель наносит вред своему здоровью и реализует влечение к саморазрушению, вполне понятно всем окружающим, хотя сам субъект для себя ситуацию таким образом не представляет. Заметим, что здесь мы рассуждаем объективистски, позиционируя себя как наблюдателя/теоретика в мире социальной деятельности.

При этом человек действует в ситуации, исходя из своих представлений о происходящем: «Интерпретация субъектом ситуации социального взаимодействия есть активный избирательный процесс открытия для себя смысла происходящего и приведения представления о происходящем в сознании субъекта к определенному виду на уровне переживаний и на уровне смыслов, выработка и выражение своего отношения, позволяющего строить оптимальную с его точки зрения деятельность (поведение) в данной ситуации» [13, с. 128].

Своими действиями человек превращает поток жизни в событие и задает ему структуру (если, конечно, он попал в место и время, где структура бытия оказалась достаточно рыхлой, чтобы воспринять действия по своему формированию). В этом смысле ситуация оказывается субъективным

феноменом, вытекающим из представлений акторов о мире, в котором они оказались. Но сами эти представления, направленные на достижение возможного, исследуют онтологическую необходимость, чтобы использовать ее в движении к своим целям.

Определение ситуации как проблема для субъекта. Мы исходим из социального характера действий субъекта: для движения к своей цели он должен либо воспользоваться помощью или услугами других людей, либо избежать их противодействия. Цель субъекта в этих обстоятельствах также нуждается в согласовании с другими.

Определение ситуации субъектом — это видение мира, происходящее из его интересов и тех способностей к различению (конструктов), которые ему удалось почерпнуть на жизненном пути. Однако рядом с ним действуют такие же субъекты, предлагающие свои определения ситуации. Здесь нужно говорить: а) о разных правах участников на определение ситуации; б) о тенденции к кодификации ситуации; в) о процедурах согласования видения ситуации; д) о борьбе участников за представление доминирующего видения ситуации: «идея, овладевшая массами» обладает не только объясняющим, но и конструирующим потенциалом. В итоге участники ситуации приходят к согласованному видению ситуации или следованию доминирующему определению, нравится ли им доставшаяся роль или нет. В целом определение ситуации тяготеет к устойчивости: раб, борясь против хозяина, чаще всего сам стремился стать хозяином, не меняя общей схемы отношений. Известно, что отношения доминирования/подчинения лежат в основе современной цивилизации, а материальная культура современности — результат эксплуатации одних людей другими.

Надо также иметь в виду, что представление о ситуации включает и самого субъекта. Ситуация фактически переживается им как «Я в ситуации», варьирует только уровень осознания (внимание к тому или иному аспекту системы). Осознание себя в данных обстоятельствах дает нам феномен переживания идентичности (Я дано отчетливо, ситуация дана по умолчанию). Внимание к процессу и его обстоятельствам дает нам ситуацию (идентичность дана по умолчанию). Например, А. Бандура самоэффективность трактует как такое переживание субъектом ситуации, в котором Я по умолчанию дано как способное справиться с вытекающими из обстоятельств задачами [14].

Далее отметим, что действие субъекта, осуществленное в наблюдаемом участниками контексте, изменяет определенным образом текущую ситуацию. Как правило, оно нагружено символически и подтверждает или изменяет гипотезы других участников о происходящем. Трансформации, происходящие в представлениях участников ситуации, часто выступают гораздо более мощным фактором её изменения, чем само «физическое» действие. Вся дипломатия основана на обменах символическими действиями

и манипулировании изменением субъективных вероятностей наступления значимых для участников события.

Возможно ли все же одновременное протекание нескольких ситуаций в одном хронотопе⁷? Поскольку мы уже выделили несколько пространств реальности, то вполне понимаем, что процессы взаимодействия могут протекать в каждом из них. Так, к примеру, в одном и том же для объективистского наблюдателя процессе одновременно могут разворачиваться линии а) содержательных переговоров, б) установления статусных различий, в) разворачивания флирта. Ролевые конфликты, о которых социальная психология говорит примерно с половины XX в., фиксировали внимание на тех случаях, когда эти процессы начинали мешать друг другу. Но часто они протекают параллельно друг другу.

Итак, несколько пространств, несколько процессов, несколько ситуаций, несколько идентичностей и один субъект, который контролирует их в меру того, насколько он может (параллельно или последовательно) удерживать их в поле осознания.

Где границы ситуации или как нам вообще очертить ситуацию, коль скоро она престаёт быть очевидностью здравого смысла, странствующего по физическому миру? В вопросе о границах есть два аспекта: кто участвует в ситуации (как говорят в соответствующих структурах, кто «фигуранты дела»), а также где ситуация начинается и где она заканчивается. Действующие лица обычно видны и не требуют комментариев, но «задний план» ситуации всегда составляют публика и группы влияния.

Идентичность субъекта поддерживается группой, а группа требует поступков. Поэтому при анализе ситуации мы имеем как «первый круг» участников, связанных друг с другом взаимными действиями и «учитывающими» друг друга, так и «второй круг» — референтные для участников группы, предполагаемую реакцию которых они вынуждены учитывать в своих решениях. Помимо оценки действующих лиц и давления на них через механизм подтверждения из постановка под сомнение их публичной идентичности эти группы могут быть рекрутированы в число активных участников взаимодействия. Круг участников ситуации может быть легко расширен, если удастся создать у новых участников смыслы, связанные с ней. Опыт социальных движений даёт примеры тому, как частный случай становится значимой ситуацией для тысяч других людей, поскольку выступает прототипом некоторой общей для них проблемы. Границы ситуации в этом смысле подвижны, и число её

⁷ Словарное определение хронотопа: «Хронотоп (дословно время – пространство) – единство пространственных и временных параметров, направленное на выражение определенного (культурного, художественного) смысла». (http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_culture). Мы предлагаем более ясную формулировку: хронотоп – единство времени и пространства, на котором реализуется определенный культурный смысл.

участников может широко варьировать в зависимости от распространения среди них различных версий смыслов.

Ситуация характеризуется целостностью, поэтому она имеет границы. При этом то, что они подвижны, сути дела не меняет. Принимая решение о необходимых действиях, мы каждый раз фактически говорим: «Это относится к данной ситуации, а это не относится». Начало ситуации трудно определить (кроме формализованных процедур, где есть отчетливый акт входа в процесс). Как правило, каждый участник взаимодействия готов поклясться, что его действия — это реакция, вызванная предшествующим действием другого. Что же считать завершением ситуации, особенно если до этого мы говорили о многих участниках и различии их представлений о происходящем? Очевидно, что ситуация выделяется (по крайней мере, одним из ее участников) как задача, итогом решения которой будет некий результат, пригодный для участия в социальных обменах, либо отказ от его получения. Если эта задача решена (искомый результат получен либо признан безнадежным), то она для субъекта исчерпана, а ситуация закрыта.

Предлагаемое нами решение таково: завершением ситуации можно считать получение одним или несколькими участниками результатов, пригодных для использования в других процессах социального взаимодействия или непосредственно удовлетворяющих некие их потребности, и смирение остальных участников с их потерями или затратами. Если последнее не происходит, то мы имеем длящуюся (иногда десятилетиями) ситуацию с отдельными эпизодами активности.

Резюмируя, сформулируем еще раз те положения, которые нам представляется важным обозначить в качестве продуктивного способа мышления о ситуации.

Ситуацию можно понимать как целостный фрагмент человеческого бытия, организованный вокруг некоторого процесса социального взаимодействия и завершающийся достижением определенных результатов, имеющих смысл для включенных в неё субъектов и определяющих их поведение в ней.

Ситуация складывается из взаимодействия культурных схем деятельности, фактических обстоятельств участников, их представлений о происходящем и активности по реализации своих целей в рамках схемы взаимодействия. Названные факторы многообразно опосредуют друг друга (в английском языке есть термин *interplay*, который можно перевести как взаимодействие, но с осязательным смысловым компонентом не поддающейся полному расчету игры взаимного обусловливания участвующих факторов).

Ситуация как феномен человеческого мира разворачивается в его пространствах — особым образом организованных реальностях или полях — и имеет смысл применительно к ним.

Целесообразно различать как минимум четыре пространства человеческого мира: субъективное, поведенческое/физическое, социальное, культурное. Ситуация отображается особым образом в каждом из них.

Поскольку развитие ситуации управляется присущими конкретному пространству схемами, ключевыми сигналами, способами деятельности, целями, то понимание ситуации и управление ею наиболее адекватно при отчетливом различении пространства, в котором она преимущественно происходит.

В одном и том же хронотопе могут **разворачиваться несколько ситуаций**, относящихся к разным пространствам/«полям». Субъект, обладающий средствами различения ситуации, способен контролировать (осознанно участвовать) в их развитии.

Жизненное пространство или жизненный мир личности — это, в нашем понимании, чаще всего проекция текущих и длящихся ситуаций социального бытия индивида в пространство его субъективности.

Очевидно, что психологические механизмы продуктивно исследовать в сопоставлении с задачами, которые решаются субъектом. Возможно, что и начинать такое исследование имеет смысл с анализа тех задач, которые актуально ставит перед человеком жизнь. Внимание к жизненным задачам человека открывает психологии мир... или психологию — миру.

Библиографический список

1. Бурлачук Л. Ф., Коржова Е. Ю. Психология жизненных ситуаций. М.: Российское педагогическое агентство, 1998.
2. Бурлачук Л. Ф., Михайлова Н. Б. К психологической теории ситуации // Психологический журнал. 2002. Т. 23, № 1.
3. Гришина Н. В. Онтопсихология и психология человеческого бытия // Психология субъекта и психология человеческого бытия. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2010.
4. Гришина Н. В. Психология социальных ситуаций // Психология социальных ситуаций. СПб.: Питер, 2001.
5. Гришина Н. В. Человек как субъект жизни: ситуационный подход. СПб.: Питер, 2009.
6. Кимберг А. Н., Улько Е. В. Мир, соразмерный человеку: конструкт ситуации // Психология субъекта и психология человеческого бытия. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2010.
7. Левин К. Конфликт между аристотелевским и галлилеевским способами мышления в современной психологии // Психологический журнал. 1990. Т. 11, № 2.
8. Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. М.: Эдиториал УРСС, 2002.

9. Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Уроки социальной психологии. М.: Аспект Пресс, 2000.
10. Рягузова Е. В. Ситуация: горизонты психологической интерпретации // Известия Саратовского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2006. Т. 6, вып. 1/2.
11. Уилбер К. Краткая история всего. М.: АСТ; Астрель, 2006.
12. Улько Е. В. Интерпретация личностью социальных ситуаций: субъектный подход // Человек. Сообщество. Управление. 2006. Спецвыпуск №2.
13. Улько Е. В. Субъект интерпретации ситуаций социального взаимодействия // Субъект, личность и психология человеческого бытия. М.: Институт психологии РАН, 2005.
14. *Bandura A.* Social cognitive theory: an agentic perspective // *Annual Review of Psychology*. 2001. Vol. 52.
15. *Schirato T., Webb J.* Bourdieu's Notion of Reflexive Knowledge // *Social Semiotics*. 2002. Vol. 12, No. 3.